

тальность, всегда вызывали интерес к автору, вызывают и сейчас.

И надо сказать, что всякий, знакомый с Некрасовым и Достоевским, прочтет воспоминания с большим наслаждением, освежив в своей памяти страдальческие облики двух замученных людей,—великих людей русской литературы. Прочтет не отрываясь, дополняя сложившиеся образы отдельными мелочами из жизни воспоминаемых.

Из этой книжки читатель узнает, между прочим, сколько хлопот и времени потратил А. Ф. Кони в переговорах и переписке с Новгородским земством, чтобы, выполняя посмертную волю сестры поэта, близ села Чудова в усадьбе «Лука» устроить школу имени Н. А. Некрасова. Дело тянулось десять лет. В 1906 году земство, не обращавшее внимание на школу, в виду ее неприглядности, постановило: «признать школу в настоящем ее виде нежелательной и поручить управе разработать вопрос или о реорганизации ее, или о совершенном закрытии». «Культурное» дворянство, управа, школу закрыла вовсе, а усадьба Некрасова сдана в аренду подрядчику рабочей артели с ближайшей плитной ломки.

В главе о Ф. М. Достоевском интересно место, в котором описывается посещение писателем колонии для малолетних преступников на Охте, а также и описание хорошо известных пушкинских дней.

В тексте имеется два автографа: письмо Некрасова и письмо Достоевского к автору воспоминаний.

Книжка издана приятно: хороший шрифт, четкая печать, не дурная бумага. Видна любовь издателей.

Широким массам воспоминания, конечно, дадут мало, так как автор строго держался личных воспоминаний.

Балерьян Полянский.

ВИКТОР ХОВИН. На одну тему. Петербург, 1921 г. Стр. 100.

Большая и наиболее существенная часть книжки посвящена прославлению В. В. Розанова. Судьба его литератур-

ной славы очень интересна и назидательна: будущий историк российской культуры мимо нее не пройдет: сочинения Розанова для своего времени почти тоже, что писания И. Пересветова для эпохи Грозного.

До 1905 года Розанов, как писатель, влачил самое жалкое существование, писать о нем никому из «порядочных интеллигентов» и в голову не приходило, печатать—тем более; он вынужден был ютиться на страницах черносотенных изданий в роде «Русского Вестника» или «Русского Обозрения», когда желал получить места больше, чем ему отводилось в презренном подвале чиновничьего официоза «Нового Времени». И вдруг—мода. Успех. Книжки нарасхват: виднейшая газета заказывает ему (хоть и за псевдонимную подписью) фельетон за фельетоном, продается до истощения даже умопостигаемый трактат о понимании... Откуда сие?

Салтыков живописал прелести российской свободы при царе Александре Миrotворце возможностью безнаказанно покупать семгу. Радость российского интеллигента при чтении Розанова была очень похожа на описанное наслаждение свободой. Ведь только после 1905 года мелкая буржуазия нашего тогда монархического отечества почувствовала, что она может сметь свое суждение иметь, а за непривычкой к тому, естественно ухватила за готовый лозунг своего миропонимания: высшее наслаждение человека сидеть на табуретке и ковырять в носу пальцем (изречение и догмат В. Розанова). Остальные члены нового символа веры соответствовали вышеприведенному—как же было не прийти в восторг. Наконец-то ничто не мешало пищеварению. Многие за это простить можно. И прощали. Простили даже глубокомысленное рассуждение «Об осязательных и обонятельных ощущениях у евреев по отношению к христианской крови», изданное в период процесса Бейлиса: заслуги Розанова все покрывали; повидимому, склонны прощать и впредь. В то время, когда писалась Ховиным статья о его любимом мыслителе, мелкой буржуазии усиленно возбранялось не только ковырять в носу (профессионально), но и создавать себе возмож-

ность обеспечения такого занятия на предбудущие времена,—ясно, что о великом апологете аполитичности можно и должно было говорить не иначе, как обливаясь слезами и став предварительно на колени. Он кстати и умер, а кто не знает, как русский интеллигент обожает мертвечину. (В книжке своей Ховин неосторожно обругал Блока, а тот возьми да и умри, как же быть-то?). Для канонизации все элементы были налицо. Она и произведена В. Ховиным на первых же страницах его работы «На одну тему». На одну ли? «У стен радостно расцветенной Троицко-Сергиевской Лавры, дряхлого памятника старой Руси, гордо возносящего свои золотые купола над бесплодными,—увы!—песками нашей «Новой», позором немощи испепеленной России»... (1919 г.) «История гениальнее людей, делающих ее, а события разворачиваются часто с таким великолепным размахом и гениальным буйством»... (1920 г.). В этом переходе от минора в мажор поэзия Маяковского и статья о ней сыграла роль каденцы. Вряд ли только талантливый автор «Мистерии Буф» будет благодарен своему критику.

И. А. Аксенов.

ОБ АЛЕКСАНДРЕ БЛОКЕ. Статьи. Петербург. 1921 г. Из-во «Картонный Домик». 336 стр.

Толстый томик. Внешне производит приятное впечатление своей редкой в наши дни толщиной. Под его кровлей собрались разнородные авторы, объединенные одной общей целью—почтить и понять рано ушедшего от нас поэта.

Забегая вперед, все-таки скажем, что мы ожидали большей продуманности, надеялись увидеть живое лицо поэта.

Этого нет: все в сборнике загромождено отвлеченными рассуждениями о поэзии вообще, о символизме о «восхождении» и «нисхождении», т.-е. о том, что уже десять лет тому назад не блистало ни свежестью, ни новизной. Не будем отри-

цать, что некоторые мысли Б. Эйхенбаума правильно намечают вопрос о судьбе поэта, несомненно прав В. Жирмунский в своем анализе источников. Но общий тон статей как-то слишком не конкретен, слишком далек самой теме, и всевозможные сопоставления то с Соловьевым, то с Гейне мало убедительны своей отрывочностью, не доведенностью до конца. Прочитав иную страницу, скажешь: «это верно», но в то же время не почувствуешь себя удовлетворенным правильностью наблюдений, именно потому, что верная мысль сейчас же тонет в ворохе побочных отвлеченных рассуждений вообще.

В. Пяст пишет о спиритизме, перевоплощениях и «элементалях», Анциферов о Петербурге у Гоголя и Достоевского, Энгельгардт и Верховский подкрепляют именем Блока общие положения теории символизма. Более по существу написана статья Жирмунского, подводящая итоги изучению поэтики Блока, мало дает Ю. Тынянов, хотя тема его выбрана интересно, не вызовут особенных споров наблюдения М. Слонимского, хотя бы и могли быть острее. В общем остается впечатление, что если бы пухлый сборник сжать и оставить в нем все фактическое и имеющее отношение непосредственно к Блоку, то от этого выиграли бы и авторы и читатели.

Мы были бы более благодарны именно за фактическое, за историю творчества, за биографию, наконец.

Кстати, ведя общие рассуждения то о романтизме Блока, то о цыганском романсе, авторы почти забыли поэта в обстановке современной жизни и современной поэзии. Где Брюсов, Белый, расхождение и дружество с ними? Где «Седое Утро», эта роковая книга, заставившая Эйхенбаума вспомнить «пророчество» московского критика?..

Весь этот материал о Блоке еще впереди, и петербургский сборник только лишней раз доказывает, что спешные поминки иногда не мешают отложить, чтобы помянуть действительно по чести и по заслугам.

Н. Локс.